

один факт, а именно утверждение о «ненатуральности», «традиционности» (в плохом смысле) символической свадебной поэзии (стр. 203), что объясняет, по мнению автора, приход в свадебную поэзию другого стилистического пласта — «реалистического».

Интересные материалы и наблюдения содержат также работы Т. А. Бернштам («Свадебная обрядность на Поморском и Онежском берегах Белого моря») и В. А. Лапина («Напевы свадебных песен Поморского берега Белого моря»).

Статьи, включенные в книгу «Фольклор и этнография», несмотря на некоторые недостатки, являются, безусловно, шагом вперед в разрешении такой малоизученной темы этнографии и фольклористики, как обряды и обрядовый фольклор. В заключение хотелось бы только отметить, что после выхода двух одноименных сборников возникла необходимость в создании этнографами и фольклористами коллективных работ по более узкой тематике, например, проблемных теоретических сборников, посвященных анализу только календарных, свадебных или похоронных обрядов. Будем надеяться, что будущие сборники «Фольклор и этнография» в теоретическом и в практическом плане продолжат лучшие традиции рецензируемого труда.

Ю. Г. Круглов

George V. Lantzeff, Richard A. Pierce. Eastward to empire. Exploration and conquest on the Russian open frontier, to 1750. Montreal and London, 1973, 276 p.

Рецензируемая книга принадлежит перу двух известных американских историков — Г. В. Ланцева и Р. А. Пирса. Г. В. Ланцев, автор монографии «Сибирь в XVII в.: исследование колониальной администрации»¹, в течение многих лет в Калифорнийском университете в Беркли читал лекции по истории России. Под влиянием Роберта Кернера он давно уже проявлял особый интерес к истории продвижения русских к берегам Тихого океана. Именно Г. В. Ланцев и задумал написать рецензируемую книгу. Но до своей кончины (1955 г.) ему удалось лишь впервые набросать первые семь глав. Его ученик Ричард Пирс не только довел до конца работу над первыми главами, но и написал остальные главы книги. Поэтому мы не допустим преувеличения, если скажем, что лишь благодаря энергии Ричарда Пирса эта книга увидела свет.

Р. Пирс неоднократно бывал в Советском Союзе, путешествовал по Средней Азии и Сибири, участвовал в работе ленинградской конференции 1974 г., посвященной 200-летию со дня рождения академика Г. И. Лангсдорфа. Р. Пирс уже давно интересуется историей нашей страны. Советским историкам достаточно хорошо известны его монографии «Русская Центральная Азия 1867—1917» (1960) и «Гавайская авантюра России 1815—1817 гг.» (1965)². В последние годы Р. Пирс успешно занимался историей Русской Америки. Он опубликовал серию статей о русских правителях Аляски — Л. А. Гагемейстере, С. И. Яновском, М. И. Муравьеве, П. Е. Чистякове, Ф. П. Врангеле, И. А. Куприянове, А. К. Эголине, М. Д. Тебенькове, И. В. Фуругельме, Д. П. Максудове и др.³ В печати уже сообщалось, что в недалеком будущем эти статьи будут изданы отдельной книгой. В 1975 г. появились его статьи об И. Г. Вознесенском и о разработке русскими каменноугольных месторождений на Кенайском полуострове в середине XIX в.⁴ Большой интерес для советских читателей представляет статья Р. Пирса, написанная совместно с А. Доллом, о поисках на Аляске нескольких тайно зарытых в конце XVIII в. плит с надписью «Земля Российского владения»⁵.

Мы признательны Р. Пирсу за его труды по популяризации некоторых работ советских исследователей. Он перевел книгу С. Г. Федоровой «Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века — 1867 г.» (М., 1971). Пирсу (совместно с Садуской) принадлежит также перевод статьи И. В. Глушанкова «Алеутская экспедиция Креницына и Левашова». А совсем недавно Р. Пирс завершил работу по переводу монографии Р. В. Макаровой «Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в.» (М., 1968). Пирс взял на себя и издание перевода сочинения К. Т. Хлебникова о первом главном правителе Российских владений в Америке А. А. Баранове, а также извлечений из писем и записок Н. П. Резанова, Г. Лангсдорфа и Н. А. Хвостова во время их плаванья из Ново-Архангельска в Калифорнию в 1806 г.⁶

¹ G. V. Lantzeff, *Siberia in the seventeenth century. A study of the colonial administration*. Berkeley, 1943.

² R. A. Pierce, *Russian Central Asia, 1867—1917. A study in colonial rule*. Berkeley, 1960; его же, *Russia's Hawaiian Adventure, 1815—1817*, Berkeley and Los Angeles, 1965.

³ См. «The Alaska Journal», vol. 1—3, 1971—1973, а также «Journal of the West», vol. 6, № 3, 1967.

⁴ R. A. Pierce, *Voznesenskii, scientist in Alaska*, «The Alaska Journal», vol. 5, № 1, 1975; его же, *The Russian coal mine on the Kenai*, там же, vol. 5, № 2, 1975.

⁵ R. A. Pierce and A. Doll, *Alaskan treasure. Our search for Russian («possession») plates*, «The Alaska Journal», vol. 1, № 1, 1971.

⁶ См.: S. G. Fedorova, *The Russians in Alaska and California: late 18th century — 1867*. Translated and edited by Richard A. Pierce and Alton S. Donnelly, Kingston, Ont., 1973; I. V. Glushankov, *Krenitsyn and Levashov's Aleutian expedition*, «The Alaska

Зная об этих заслугах Р. Пирса, мы естественно, не могли не заинтересоваться его новой книгой.

В рецензируемой работе поставлена необычайно широкая задача. Впервые в США делается попытка в одном томе подробно проследить историю продвижения русских на восток со времени Киевской Руси до выхода русских к берегам Северной Америки. Употребление в названии книги выражения «открытая граница» — несомненно, известная дань увлечению в США идеями Фредерика Тарнера. К тарнеровскому термину «граница» — «frontier», Пирс прибавил прилагательное «открытая», поскольку в большинстве случаев русским при продвижении на восток не приходилось наталкиваться на какую-либо четко выраженную границу.

В книге приведены подробнейшие сведения о самых различных русских походах на восток, о многих русских географических открытиях, особенно на Дальнем Востоке. Все эти данные бесспорно будут весьма полезными для тех иностранных авторов, которые посвящают свои труды истории «открытия земного шара», но до сих пор не уделяли должного внимания истории русских географических открытий.

Насколько широко в рецензируемой книге освещается история продвижения русских на восток, можно судить по ее оглавлению. Книга разделена на следующие 13 глав: 1. «Русская экспансия во времена Киевской Руси» (стр. 21—30). 2. «Русская экспансия при правлении монголов» (стр. 31—50). 3. «Освобождение и продвижение» (стр. 51—73) (эта глава заканчивается историей падения Казанского и Астраханского ханств в середине XVI в.). 4. «Возникновение казачества» (стр. 74—82). 5. «Строгановы и их пограничные деяния» (стр. 83—92). 6. «Экспедиция Ермака, русского Кортеса» (стр. 93—107). 7. «Пограничная политика Бориса Годунова» (стр. 109—125). 8. «От Оби до Тихого океана» (стр. 127—140). 9. «Захват Бурятии и Забайкалья» (стр. 141—154). 10. «Захват и потеря Амура» (стр. 155—182). 11. «К берегам Америки» (стр. 183—194). 12. «Завоевание Камчатки и Чукотки» (стр. 195—220). Затем следуют 13-я, заключительная, глава и приложения. Поскольку во всех главах упоминаются названия самых различных народов России и особенно Сибири, в качестве первого приложения даны «Замечания об этнических группах, упомянутых в данной работе», которые содержат самые элементарные сведения по этнографии России, главным образом Сибири.

Уже из самих названий глав достаточно видна общая тенденция книги. Для американских историков она не нова: в таком же стиле писали Ф. Голдер, Р. Кернер и многие другие авторы. Сравнение Ермака с конкистадором Кортесом, конечно, крайне неудачно. Столь же неудачно и сравнение сибирских землепроходцев с... римскими легионерами (стр. 227—230). Но, к сожалению, употребление таких несостоятельных сравнений в какой-то мере отражает и взгляды самого Р. Пирса, склонного не делать каких-либо различий между колонизаторами разных стран и эпох. И тут в его книге многое оценивается весьма субъективно.

Р. Пирс отрицает прогрессивное значение включения этих земель в состав России и по давно возникшей в США традиции стремится доказать, что русские принесли на восток одно лишь разрушение: «Общество аборигенов было сокрушено, их вожди удалены или куплены, их экономика разрушена и их число уменьшилось из-за болезней и алкоголя, принесенных завоевателями» (стр. 230). Он утверждает, что русские будто бы всюду насильственно насаждали православие. Историк-марксист, естественно, никогда не будет оправдывать эксплуататорскую политику царизма на окраинах России. Но и искусственное сгущение мрачных красок антинаучно. Необходимо помнить, что процесс первоначального накопления в разных странах проходил по-разному. И в Сибири, несомненно, были свои особенности. Поскольку в XVII в. русская администрация стремилась извлечь из Сибири как можно больше пушнины, все делалось для того, чтобы аборигены края смогли поставить в виде ясака или посредством торгового обмена максимальное количество мехов. Поэтому русские старались не нарушать давно уже сложившиеся в Сибири хозяйственные отношения. «Шерть» (присяжка) жители Сибири приносили русским властям обычно «по своей вере». Следует также помнить, что в XVII в. еще не спавали местных жителей, ибо в допетровской Руси, особенно в Сибири, имелись весьма существенные ограничения в употреблении алкогольных напитков и потому, если таковые иногда (главным образом «на лечение хворых») и удавалось доставать, то они использовались исключительно самими русскими. К сожалению, Р. Пирс не учитывает все эти особенности процесса первоосвоения русских сибирских земель и ранних отношений с аборигенами.

В заключительной главе монографии Р. Пирс попытался определить главные причины быстрого продвижения русских в сторону Тихого океана. По мнению Пирса, здесь действовали четыре главных фактора: 1) географические особенности, прежде всего наличие рек и равнин, которые облегчали продвижение; 2) личные качества участников, которые, «не прибегая к помощи врожденного „побуждения“ или „инстинкта“,

Journal», vol. 3, № 4, autumn, 1973; R. V. Makarova, Russians on the Pacific. 1743—1799, Kingston, Ont., 1975; K. T. Khlebnikov, Baranov: Chief manager of the Russian colonies in America, transl. by Colin Bearne, ed. by Richard A. Pierce, Kingston, Ont., 1973; «Rezanov reconnoiters, California, 1806. A new translation of Rezanov's letter, parts of Lieutenant Khvostov's log of the ship Juno, and Dr. Georg von Langsdorff observations», ed. by Richard A. Pierce, San Francisco, 1979

умело, но не всегда благородно отвечали на вызов их окружения»; 3) погоня за пуш-ниной; 4) «национальная психология, которая позволяла участникам походов игнори-ровать права примитивных народов, живших на их пути, и занимать их земли в пользу России» (стр. 227). Здесь опять ощущается элемент предвзятости и вместе с тем обна-руживается склонность автора давать идеалистическое толкование некоторым истори-ческим явлениям. Характерно, что Р. Пирс забыл упомянуть о главном — о социальных условиях «метрополии», которые заставляли все большее число лиц уходить в далекую Сибирь из Европейской России, особенно с ее северных окраин. Вне поля зрения Пирса осталась и классовая борьба, обострившаяся в Европейской России. Подобно Р. Кер-неру, он, по-видимому, находится в плену географического детерминизма, совершенно забывая, что в некоторых других странах также существовали весьма благоприятные географические условия для миграций, однако такого быстрого продвижения населения там не было в силу ряда социальных причин. Правда, в отличие от Кернера Пирс отвер-гает версию о существовании у русского народа какого-то врожденного «побуждения» (слово «urge» было излюбленным у Кернера). Однако это не помешало ему приписать русскому народу особую... «национальную психологию», позволяющую русским земле-проходцам «игнорировать права примитивных народов!» Пирс далек от понимания того, что здесь дело не в «национальной психологии», а в социальных условиях феод-альной России, уже вставшей на путь первоначального накопления капитала. Что ка-сается рядовых русских землепроходцев, то они и в XVII в. хорошо понимали, что их благополучие во многом зависит от взаимоотношений с местными жителями, и потому стремились поддерживать с ними наилучшие взаимоотношения.

В заключительной части книги Р. Пирс возвращается к вопросу, применимы ли к России идеи Ф. Тарнера относительно роли «границы» в развитии России. В отличие от историков Б. Х. Самнера и Д. В. Тридголда⁷ он дает в целом отрицательный ответ на этот вопрос. И в данном случае с его доводами вполне можно согласиться. Оче-видно, что на весь процесс продвижения русских к берегам Тихого океана нельзя смотреть глазами Тарнера: слишком велико различие между социальными условиями заселения американского Запада и заселения русскими Сибири в условиях феодальной России. Вместе с тем нельзя впадать и в другую крайность: отток значительной части населения на окраины России — в Сибирь и в южные степи — безусловно оказывал свое влияние и на социальные условия в центральной части Европейской России. Но эти моменты также оказались вне поля зрения Р. Пирса.

Из сказанного может создаться впечатление, что в рецензируемой книге уделено значительное внимание теоретическим вопросам, это не так. Г. Ланцев и особенно Р. Пирс своими взглядами делились весьма скупой — лишь мимоходом. У них, по-види-мому, нет какой-либо единой детально разработанной концепции. В основной же ча-сти книги идет довольно беспристрастный перечень исторических событий. Приводится мно-жество, чаще всего безусловно полезных, подробностей. До сих пор в американской исторической литературе история русских сибирских походов XVI—XVII вв. еще не излагалась столь подробно, если не считать описания некоторых русских дальневосточ-ных походов в книгах Ф. Голдера, освещавшего деятельность землепроходцев с нема-лой долей предвзятости. Известно, например, насколько несправедливо он оценивал деятельность Семена Дежнева.

В ряде случаев Р. Пирс преодолел некоторые предубеждения своих известных предшественников — Ф. Голдера, Р. Кернера и др. Так, Р. Пирс выразил свое несог-ласие с Ф. Голдером, который в сибирских землепроходцах усмотрел обычных иска-телей приключений, каких можно встретить «в любом морском порту или погранич-ной общине». Р. Пирс справедливо указал, что в Сибири среди рядовой массы каза-ков имелись и отдельные выдающиеся личности. Если Ф. Голдер весьма неуважительно отзывался о знаменитом «Камчатском Ермаке» — В. В. Атласове, то Р. Пирс указы-вает, что Атласов может быть по праву назван «исследователем» Камчатки, и в этом амплуа он был «выше, чем какой-либо иной сибиряк его времени» (стр. 203). К со-жалению, Р. Пирс из-за недостаточного знакомства с новейшими советскими работами повторил традиционные неточности в биографии Атласова. Так, Пирс по-прежнему утверждает, что Атласов — выходец из Великого Устюга, хотя теперь достоверно уста-новлено, что он был сыном якутского казака. Р. Пирс также повторяет широко рас-пространенную ошибку, когда утверждает, что Иван Москвитин шел к Тихому океану будто бы по Юдоме, а с Ульи плавал до Тауя и затем ходил на юг якобы только до реки Уды. Р. Пирсу остались неизвестными недавно опубликованные документы об открытии москвитинцами «островов Гилятцкой орды» в районе устья Амура. Неко-торые неточности допущены и при описании похода В. Д. Пояркова. Никаких «ольчей» поярковцы на Амуре не встречали. Не встречали они на Охотском побережье и моск-витинцев (стр. 158). Аналогичные ошибки имеются и в описании похода Е. П. Хабаро-ва. Пирс пишет: «Ниже устья Сунгари после восьми дней путешествия Хабаров вступил в область, которая населена ольчами и гольдами, тех и других он называл в своих до-несениях ачанами» (стр. 163). К сожалению, Пирс не учел, что участники похода Ха-

⁷ См.: В. Н. Sumner, *A short history of Russia*, N. Y., 1943, p. 1 (позднее переиз-давалась под названием: «Survey of Russian history»); D. W. Treadgold, *Russian expansion in light of Turner's studies of the American Frontier, «Agricultural History»*, oct. 1952.

барова во всех случаях под ачанами имели в виду нанаиский род оджал, который ничего общего с «ольчами» (ульчами) не имел (эта версия Л. И. Шренка уже давно отвергнута наукой). Р. Пирсу осталось также неизвестным местоположение знаменитого русского Ачанского городка, но он очень высоко оценил моральное значение большой победы русских в первом военном столкновении с маньчжурами на Амуре (стр. 164).

Ряд неточностей допущен и при описании первоосвоения русскими арктических районов Восточной Сибири. Пирс повторяет распространенную ошибку об открытии русскими Колымы в 1644 г. На самом деле это произошло еще в 1643 г., и первым русским селением на Колыме был не Нижне-Колымск, как полагали многие, а Средне-Колымск. Пирс некритически повторяет старые традиционные ошибочные утверждения о плавании Дежнева. В данном вопросе ему существенную помощь мог бы оказать его калифорнийский коллега Р. Фишер, который написал несколько ценных работ о Семене Дежневе. Р. Фишер также мог бы уточнить историю походов В. Беринга. Дело в том, что Р. Пирс повторяет распространенную версию о том, что Петр I послал Беринга на Тихий океан якобы с целью открытия пролива между Азией и Америкой. На самом деле Петр I уже тогда хорошо знал, что Азия с востока всюду омывается морями и его главной целью было открытие ближайших к Азии берегов Америки.

Эти и другие неточности могли быть легко устранены, если бы авторы книги лучше знали работы советских исследователей. К сожалению, в книге используются главным образом устаревшие во многом работы: история Сибири И. Е. Фишера (1774 г.), труды Н. М. Карамзина начала XIX в. и другие. Часто встречаются сноски на ранние работы тех советских историков, которые в прошлом также сосредоточивали свое внимание на теневых сторонах процесса первоосвоения русскими сибирских земель. Вместе с тем более поздние работы советских сибиристов в книге цитируются редко. Некоторые ценные работы — О. Н. Вилкова, Б. О. Долгих, Ф. Г. Сафронова и многих других вообще не упомянуты⁸. Не был знаком Р. Пирс и с новейшими работами В. А. Александрова, в том числе с его известной книгой «Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.)» (М., 1969).

В заключение хочется отметить ряд немаловажных достоинств книги Г. В. Ланцева и Р. А. Пирса. В ней история продвижения землепроходцев на восток освещается полнее и достовернее, чем в аналогичных трудах других американских историков — Френка Голдера, Роберта Кернера, Джона Гаррисона и тем более Эрвина Лесснера, автора тенденциозной книги «Колыбель завоевателей: Сибирь», изданной в Нью-Йорке в 1955 г.⁹ Ни в одном из этих изданий не излагалась столь подробно история русских походов XVII в. в Сибирь и на Дальний Восток. Поэтому совершенно справедливо зарубежные рецензенты книги отметили, что для англоязычных читателей она является ценным справочным изданием.

В книге Г. В. Ланцева и Р. А. Пирса имеется 15 удачно выполненных схематических карт. Среди них картосхемы, на которых показаны маршруты важнейших русских походов на восток Кондратия Курочкина («Kugochin, 1610»), Пантелея Пянды, Василия Бугра, Петра Бекетова, Ивана Москвитина, Василия Пояркова, Ерофея Хабарова, Ивана Реброва, Елисея Бузы, Владимира Атласова, Витуса Беринга и Алексея Чирикова. Картосхема 15 знакомит читателей с расселением народов Сибири. Приятно отметить, что число неточностей на этих картах сравнительно невелико. Некоторые ошибки появились явно по вине издательства. Например, в картосхеме 12, названной «Экспедиция Атласова на Камчатку» (стр. 12), показаны маршруты Беринга и Чирикова, а в 13 — «Путешествия Беринга и Чирикова 1728, 1741» (стр. 13) дано путешествие В. В. Атласова 1697—1699 гг. Разумеется, и в книге Г. В. Ланцева и Р. А. Пирса нельзя найти ответ на все вопросы истории продвижения русских на восток. Так, например, в ней ничего нет об открытии русскими острова Сахалин. И об этом можно только пожалеть, ибо даже Ф. Голдер в 1914 г. совершенно справедливо отметил, что в Европу и Америку «наиболее ранние сведения о Сахалине поступили... не от китайцев, японцев, голландцев или иезуитов, а от русских сибирских зверопромышленников [„охотников“], которые, стремясь познакомиться с Приамурьем, пришли в соприкосновение с Сахалином»¹⁰.

⁸ Здесь мы не можем перечислить все многочисленные работы советских авторов. Наиболее важная из них: Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., М., 1960. Хотя эта работа носит историко-этнографический характер, в ней оказалось множество ранее неизвестных сведений по истории первоосвоения русскими земель от Урала до Тихого океана.

⁹ F. A. Golder, Russian expansion on the Pacific, 1651—1850. Cleveland, 1914; R. Y. Kerner, The urge to the sea: the course of Russian history. The role of rivers, portages, ostrogs, monasteries, and furs, Berkeley, 1946; J. A. Harrison. The founding of the Russian empire in Asia and America, Miami, 1971; E. Lessner, Cradle of conquerors: Siberia, N. Y., 1955. Как указывает Раймонд Фишер в своей рецензии на книгу Г. Ланцева и Р. А. Пирса («The Pacific Historical Review», vol. XLIII, № 2, 1974, p. 264, 265), в книге Дж. Гаррисона, доведенной до 1867 г., также широко использованы фактические данные неоконченных глав Г. Ланцева.

¹⁰ F. A. Golder, Указ. раб., стр. 255.

Хотелось бы также, чтобы Пирс, подобно Р. Фишеру, более критически подходил к используемым данным и смелее вступал в полемику с теми учеными, которые порою весьма вольно обращаются с историческими фактами. Вполне убедительная критика Р. Фишером отдельных положений в работах Голдера, Кернера, Г. Казна и других¹¹ безусловно помогает освободить историческую литературу от различных неточностей, порою весьма существенных.

Хотелось бы, чтобы Р. Пирс при переиздании рецензируемой книги внес в нее необходимые исправления и дополнения. Тесные контакты Ричарда Пирса с советскими исследователями несомненно могут этому содействовать. А пока мы, его советские коллеги, будем с интересом ждать появления его новых книг, статей и переводов.

Б. П. Полевой

¹¹ R. H. Fisher, Semen Dezhnev and Professor Golder, «The Pacific Historical Review», vol. XXV, № 3, 1956; его же, Kerner, Bering, and the Amur: a refutation, «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», Neue Folge, Bd. 17, Heft 3, 1969; его же, Dezhnev's voyage of 1648 in the light of Soviet scholarship, «Terrae Incognitae. The Annals of the Society for the History of Discoveries», vol. V, Amsterdam, 1973.

Alex E. Alexander. Bylina and fairy tale. The origins of Russian heroic poetry. The Hague — Paris, 1973, 162 p.

Последние годы ознаменовались выходом работ, посвященных исследованию таких аспектов русского героического эпоса, как его соотношение с эпосом других славянских народов, его географическое распространение, связи с исторической обстановкой русского средневековья, литературно-фольклорные связи и пр. Среди этих работ следует упомянуть исследование американского ученого, профессора Алекса Е. Александра. В нем рассматривается сложная проблема соотношения былины и близкого к ней прозаического жанра повествовательного фольклора — волшебной сказки, причем сопоставительный анализ не является самоцелью автора, а производится в связи с одним из самых коренных вопросов былиноведения — генезисом русского героического эпоса.

Книга А. Александра «Былина и волшебная сказка. Происхождение русской героической поэзии» — работа во многом спорная. Основным теоретическим построением полностью подчинена композиция монографии: небольшие обзорные и ознакомительные разделы (прежде всего гл. II — «Эпос и волшебная сказка в русской литературной критике») лаконичны и отвечают целевой направленности всего исследования. Книга ориентирована на эрудированного читателя, достаточно знакомого с материалом русского фольклора и соответствующей научной литературой, на творческий диалог со специалистом, занимающимся данным кругом проблем. И мы надеемся, что подобный диалог интересен и продуктивен.

А. Александр начинает анализ с выявления сходства между былиной и сказкой как по содержанию, так и по форме (гл. I — «Русский народный эпос и волшебная сказка»). Он отмечает, что подобное сходство может объясняться либо происхождением из одного источника, либо эволюционным развитием одного жанра из другого. Поскольку сказка как жанр старше былины, автор в качестве исходной посылки выдвигает гипотезу о том, что русская героическая поэзия сложилась, эволюционируя, из волшебной сказки. Для выявления сходства между былиной и сказкой автор использует следующие сюжетно-тематические узлы: чудесное рождение героя, его встреча с дарителем и помощником. Эти компоненты рассмотрены В. Я. Проппом применительно к сказке¹, однако, как полагает А. Александр, они характерны и для русского героического эпоса, играя важную роль в понимании специфики жанра, в его соотношении со сказкой. Этим вопросам посвящена гл. III — «Чудесное рождение и чудесные способности героя». Следует подчеркнуть: автор с самого начала оставляет в стороне вопросы позднего влияния сказочной эстетики на былинку как уже сложившийся жанр. Выявляемые им соответствия относятся к гораздо более глубинным слоям сказочно-эпического повествования.

Прежде чем приступить к сопоставительному анализу, автор производит отбор и классификацию фольклорного материала. Принимая имеющееся жанровое разделение былин на «героические», «сказочные» и «новеллистические»², автор обращается к первой, основной группе. Из всех относимых сюда сюжетов он отбирает шесть: о Волхе, об Илье Муромце и Соловье Разбойнике, об Алеше Поповиче и Тугарине, об Илье Му-

¹ В. Я. Пропп, Морфология сказки, изд. 2-е, М., 1969, стр. 77, 78.

² В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов, Эпическая поэзия русского народа, в кн.: «Былины», т. I, М., 1958, стр. III, IV.